

Труд - 1995. - 23 нояб.

АРИФ МЕЛИКОВ:

Музыка забрала меня из политики

Беседа с композитором — автором прославленного балета “Легенда о любви”

Балет “Легенда о любви” уже 34 года не сходит со сцен многих театров мира. Если бы А. Меликов не написал в жизни ничего, кроме “Легенды...”, то и этого было бы достаточно, чтобы войти в список “золотых имен” мировой музыкальной культуры. Но он автор еще нескольких десятков ярких произведений — балетов, симфоний, кантат, симфонических, камерных, вокальных и инструментальных сочинений... Недавно состоялась премьера Седьмой симфонии Арифа Меликова, ставшей заметным явлением в музыкальной жизни и, что, может, не менее существенно, — переломным событием в жизни самого композитора: она появилась на свет после пяти лет творческого перерыва.

— Ариф Джангирович, не жалее ли о потерянных для творчества годах?

— Мой “поход в политику”, пожалуй, от меня и не зависел. Сам ход событий втянул нас в свой водоворот, поначалу создав иллюзию возможности влиять на жизнь. К сожалению, предотвратить многие страшные последствия начавшегося разрушительного процесса не удалось.

— Очевидно, сказанное справедливо в целом. Что же касается частных, то в республике хорошо знают, как немало вы сделали, будучи народным депутатом СССР, чтобы донести правду о бедах, обрушившихся на Азербайджан в последние годы, помнят, сколько усилий приложили, отыскивая тех, кто, числясь без вести пропавшим, был упрятан в тюрьмы и изоляторы КГБ...

— Увы, добиться наказания виновных в бакинской трагедии 1990 года, во многих кровопролитиях, продолжающихся до сих пор на просторах СНГ, так и не удалось. И все же свято верю — от суда истории никому не уйти. Эта тема слишком серьезна и остра, чтобы говорить о ней скороговоркой. Все, что пережито и увидено, все мысли и чувства выплеснулись в

моей книге “Я обвиняю...”. Она как бы подвела итоги “политическому” этапу жизни, “освободила” меня от него...

— Вот тогда-то вы и смогли вернуться к творчеству?

— Ну что вы. Я не знаю, как скоро смог бы выйти из состояния опустошенности, если бы не вмешательство моего большого друга и прекрасного человека Инсана Долмачи. Известный турецкий бизнесмен, врач и меценат, недавно награжденный премией ЮНИСЕФ за выдающиеся заслуги в области детского здравоохранения, он заказал мне симфонию. Каких трудов и усилий стоило мне снова взяться за работу — и представить невозможно. Я буквально насильно усаживал себя за рояль, вставал, брался за кисть — я всегда рисую, когда пишу музыку, — снова садился, пока наконец не восстановилось рабочее состояние. А дальше уже все пошло. Инсан Долмачи специально для премьеры построил в Анкаре прекрасный концертный зал, возможно, один из лучших в мире.

— Премьера, насколько можно судить по прессе, прошла с большим успехом. Но не обидно ли, что первое исполнение ее состоялось не на родине?

— И прежде премьеры некоторых моих вещей проходили не в Баку, а в Ленинграде, в Ташкенте, в Москве... Музыка более, чем какой-либо другой вид искусства, — явление общечеловеческое, не знающее ни государственных границ, ни языковых преград. Обидно другое — то, что новую работу, видимо, еще не скоро услышат на родине. Положение, в котором ныне оказались искусство, культура, — катастрофическое. Сами посудите: мой выпускник, очень одаренный, подающий надежды композитор, не может найти партитурной бумаги, чтобы написать дипломную работу.

— Судьба прежде всегда была к вам на редкость благосклонна. Триумфальный успех “Легенды...” в 27 лет, после-

довавшая за тем слава, звание народного артиста СССР, лауреата Государственной премии...

— На самом деле все было отнюдь не так безоблачно, как представляется со стороны. Препоны и преграды приходилось преодолевать и в Баку, и в Москве. Видите ли, “сальеризм” — явление вневременное и вневенациональное. Тем не менее мне грех жаловаться на судьбу. Мне посчастливилось быть учеником Кара Караева, удостоиться внимания самого Дмитрия Шостаковича, иметь в старших друзьях и наставниках таких выдающихся художников, как дирижер Ниязи, работать с такими блистательными мастерами, как Григорович, Плисецкая, Вирсаладзе, Геннадий Рождественский, — боюсь, всех перечислить не в состоянии. О встречах с каждым из них храню самые добрые воспоминания.

— Особое место в этом ряду, насколько мне известно, занимает Назым Хикмет?

— Назым был много старше меня, но, несмотря на разницу в возрасте, у нас сложились очень доверительные отношения. Он называл меня сыном. Каждая наша встреча превращалась, смею думать, для нас обоих, в настоящий праздник с долгими разговорами и обильным застольем: если у меня — то непременно с его любимой халвой и долмой, если у него в Переделкино — с шашлыком по-турецки, приготовленным им самим. Много видевший и переживший, Хикмет был прекрасным рассказчиком, собеседником, мыслившим остро и нестандартно. В период работы над “Легендой” он очень помог мне, и Григоровичу глубже понять замысел, суть своей поэмы. Его очень беспокоило, что спектакль может превратиться в стилизацию этакого “сахарного”, “рахат-лукумного” Востока, и радовался, что нам удалось этого избежать. Он и позже не раз по-

вторял, что Восток — это отнюдь не сказка об Али-Бабе и сорока разбойниках, а нечто суровое, как глыба камня.

В разные периоды жизни я не раз обращался к поэзии Назыма Хикмета, написал два цикла романсов на его стихи. Но есть у меня и “должок” перед ним. Речь идет о балете по его поэме “Иосиф Прекрасный”, задуманном много лет назад, но так и не осуществленном. Теперь, по прошествии времени, могу рассказать, почему это произошло. Был еще жив мой учитель Кара Караев. И когда я поделился с ним своим замыслом, оказалось, что “Иосиф” заинтересовал и его. Я, естественно, от своей идеи отказался, но так случилось, что и Караев балета не написал. Так что теперь нет никаких препятствий, чтобы вернуться к давно задуманному.

— Вы хотите сказать, что приступили к работе над балетом “Иосиф Прекрасный”?

— Я бы и хотел, но голова полна мыслями о новой симфонии. Она мучает, одолевает меня, не дает передохнуть. В последние месяцы я сплю не больше четырех часов в сутки.

— Так вот почему опять появились холсты, и это полотно с такими удивительными, словно струящимися белыми цветами...

— Только не спрашивайте меня, являются ли они живописным отражением моей музыки. Это любимый вопрос журналистов, от которого меня берет оторопь. Я не думаю об этом. Знаю только, что, когда очень устаю от работы, лишь кисть и краски возвращают душевное равновесие, позволяют привести в порядок мысли.

— Ариф Джангирович, а как вы относитесь к тому, что, написав множество ярких, получивших высокую оценку в профессиональной среде произведений, для широкой публики вы по-прежнему остаетесь авто-

ром одной лишь “Легенды...”?

— Честно говоря, поначалу это меня задевало и даже обижало. Но постепенно я понял, что ничего дурного или несправедливого в том нет. “Легенда” стала как бы моей творческой эмблемой. С ней для меня связано много дорогих воспоминаний. Я ведь даже дочь назвал именем любимой героини — Ширин.

— Те, кто знает вас близко, рассказывают, каким нежным и любящим отцом вы всегда были. Но, говорят, что дедом для годовалой Амины вы стали еще лучшим. Внуки “слаще” детей?

— Я, пожалуй, не возьмусь сравнивать. Скажу только — это удивительное, неповторимое чувство, заставляющее забыть обо всех трудностях и проблемах. А может, в этом и состоит разгадка тайны бытия: жизнь полна смысла, пока есть в ней любовь.

Интервью вела
Тунзале КАСУМОВА.

БАКУ.